

ПАРАЛЛЕЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.ВОЛОШИНА И Н.РЕРИХА

Ление Ленмаровна Таймазова

В статье рассматривается связь творчества Волошина с восточными традициями, а также параллели в творчестве Волошина и Рериха.

Ключевые слова: гармония, природа, творчество, художник

У статті розглядається зв'язок творчості Волошина зі східними звичаїми, а також паралелі творчості Волошина і Рериха.

Ключові слова: гармонія, природа, творчість, художник

In the article there has been considered the connection of Voloshin's creative work with Oriental traditions, and also some parallels in Voloshin's and Rerich's creative work.

Key words: artist, creative work, harmony, nature

Связь творчества Максимилиана Волошина с восточными традициями в поэзии, живописи, бытии несомненна. Будучи разносторонней личностью, постоянно жаждущей познания и знания, Волошин не мог не увлечься духовным наследием Востока. Достаточно распространенным является один из стереотипов традиционного сознания о «восточном человеке» как о неподвижном, пассивном созерцателе, который лишен отчетливо выраженного личностного начала, неизменно покорен всеильному року и не стремится изменить самого себя и окружающую жизнь.

Но это далеко не так! Сама жизнь восточных народов, вопреки всевозможным историческим препятствиям, породила тип человека, устремленного к действительному, творческому самораскрытию. Именно здесь можно увидеть то, что в других условиях кажется невозможным, сверхъестественным. Люди искусства мечтают о театре в жизни. Что это, если не театр в жизни, когда в сухом и прозрачном пространстве пустыни на фоне сияющих горных вершин шествуют толпы людей в костюмах яркой и разнообразной расцветки. Колышутся древние знамена, извлеченные из древних хранилищ. Плывут священные изображения. Гремят трубы. И все это: сверкающее великолепие толпы, пронзительные звуки труб, пластические движения исполнителей ритуальных танцев – не нарушает очарования и гармонии природы, а напротив, органически сливается с синевой простора, кажется естественным элементом его. Эта картина восточного праздника поражает своим великолепием и гармонией.

С культурой Востока тесно связано еще одно имя – Николай Рерих. Волошин тщательно изучал его творчество. И мы находим, что во всем многообразии их творчества прослеживается одна общая черта – удивительная гармоничность. И гармонию эту они впитывали из окружающего мира, красота которого, по их мнению, дарит человеку радость. Но вместить ее, разлитую повсюду, может лишь открытое, свободное от страха и уныния сердце.

Поразительны судьбы этих двух Художников-мыслителей. Оба они подчиняют свою жизнь бескомпромиссному нравственному поиску. Их духовные орбиты пересекаются во множестве точек.

Осенью 1900 года судьба забросила Волошина в Среднюю Азию. Он был рад возможности познать новую культуру. Свое пребывание там Волошин назвал «переломным временем своей жизни». «Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, – писал Волошин, – были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток – древность, относительность европейской культуры» [1].

И Рерих в 1913 году вынашивает планы научной экспедиции в глубины Азиатского континента. Первая мировая война помешала планам художника, но не сорвала их окончательно. После долгой и тщательной подготовки, в 1923 году, начинается экспедиция Рериха по маршруту Великого Индийского пути. Ее целью было «проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры безмерного материка». Задачи ставились большие. Предполагалось изучить памятники древности, отметить следы великого переселения народов, собрать сведения о современном состоянии религии и обычаев в странах Азии. С невероятными трудностями, связанными с беспокойной исторической обстановкой в стране, Рериху все же удалось закончить экспедицию. На это ушло более пяти лет.

Таким образом, два Художника, пройдя «по путям и перепутьям» Востока (один – раньше, другой – позднее), приобретают одну из удивительных особенностей, которая в дальнейшем ярко проявится в их творчестве, – способность постигать окружающий мир исторически, проникая сознанием «до недр природы».

Здесь вполне приложимы слова Рериха, свидетельствующие о целенаправленности, о постоянной устремленности к творческому созиданию: «Прошлое лишь окно в будущее... Из древних, чудесных камней сложите ступени грядущего» [4, с.189].

На Востоке очень развито почитание понятия «Учитель». В него вкладывают возвышенный смысл. Оно священно. Это понятие, на наш взгляд, объединяет Волошина и Рериха. Однажды Волошин запишет в дневнике: «...Я всегда... ждал великого учителя, но он никогда не приходил, и я видел, что должен творить сам и что другие приходят и спрашивают меня».

И у Рериха Учитель олицетворяет то внутреннее «я», что, как точка света, живет в человеке, борется и побеждает чувства и низменную природу человека. Слово «Учитель» для Рериха – формула действия, оно обозначает творческий зов жизни. Все, что зовет вверх, есть Учитель!

Не есть ли это стремление к духовному совершенству, к гармонии?!

Главнейшую роль в достижении гармонии жизни оба художника отводили искусству. Именно оно несет с собой радость красоты, радость творчества, радость познания мира, радость просветленного человеческого разума. Искусство – мера духовной эволюции человека, оно обладает той философски-жизненной созерцательностью, благодаря которой человек может чувствовать себя живой и органической частицей всего мироздания и задуматься о своем месте в нем. И Волошин, и Рерих знали цену и силу эмоционального воздействия искусства на человека. Поэтому они стремились к тому, чтобы их творчество было наполнено гуманистическими мотивами.

Творческое начало, заложенное в самой природе человека, всепобеждающе. «Какое прекрасное слово – «творчество»! – пишет Рерих. – Настолько прекрасно и мощно слово «творчество», что при нем забываются всякие условные преграды. Люди радуются этому слову, как символу продвижения... Оно ведет за собою человечество... Творчество есть выражение основных законов вселенной» [5, 121].

Действительно, зов творчества – это зов самой жизни, потому что они неразделимы. Века, запечатлевшие свой дух и свой лик в памятниках искусства, раскрывают творчество как ведущее начало жизни. Обоим художникам свойственно стремление согласовывать творческие замыслы с научными данными, любовью к археологии, к истории. Усматривается интересная аналогия в их творчестве – эмоциональное включение пейзажа в содержание картин, ибо природа перерастает понятие пейзажного жанра, она становится средством формирования не только эстетических чувств, но и моральных качеств и нравственных достоинств.

В статье о М.С. Сарьяне [армянском художнике] Волошин приводит слова художника: «Я почувствовал, что природа – мой дом, мое единственное утешение... Природа многолика, многоцветная, выкованная крепкой, неведомой рукой, – мой единственный учитель...» [2, с.306] Эти же слова с полным правом можно отнести и к самому Волошину, зовущему нас войти в согласие с природой, помнить о родстве с ней, ибо в ней [природе] художник увидел сходство с лучшим ее творением – человеком.

Природа – обязательный персонаж и произведений Рериха. Она никогда не выполняла в его творчестве вспомогательной роли. Пейзаж – это не фон, на котором разворачиваются события. Пейзаж, как и человек, равноправный и действенный участник событий. «Надо природу понимать, – призывает Рерих. – Надо войти в нее как бы сотрудником ее, не осудительно, но восхищенно». Слияние с природой он воспринимает как могучий генератор, дарующий человеку физическую и духовную энергию.

Рерих часто с восторгом повторяет слова древних майя, зазвучавшие вновь спустя три тысячи лет после того, как они были написаны:

«Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум понимает, ты спросишь, кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страдания и землю любимую! Кто мы? – мы – земля».

Эти слова органично перекликаются с высказываниями Волошина. В них чувствуется одна и та же тональность. «Лицо земли складывается геологически так же, как человеческое лицо – анатомически, точно так же определяется морщинами, шрамами и ранами, оставленными на нем стихиями и людьми: знаками мгновений. В этом – смысл Исторического пейзажа» [2, с.312].

Именно через память предков и истинные духовные переживания возможно отождествление души земли и души человека.

Показательно то, что у Рериха композиция: путник и пейзаж – вполне типична и закономерна для него. Путник! А ведь и у Волошина мотив странствия, путешествия, пути, пожалуй, главный в творчестве. Путь как постижение законов мироздания, искусства, бесконечных возможностей человеческого духа. Да и сам Волошин – «путник по Вселенной».

В пейзажах Волошина и Рериха замечается еще одна присущая им черта: разлитый по всему полотну свет, источником которого является небо с его светилами. Это ощущение света

достигается большой цветовой напряженностью, цвет как бы заостряет внимание на главном, соединяет все части композиции в единое гармоническое целое. Правда, цветовая энергия у каждого из них излучается по-своему. У Рериха она контрастна: краски как бы воспламеняются, загораются от неожиданного соседства зеленого и красно-коричневого, ультрамарина и золотисто-желтого. У Волошина, напротив, цвет мягко перетекает один в другой, создавая ощущение дыхания. При этом у каждого из них можно выделить цвет-доминанту: у Волошина – это все оттенки коричневого, у Рериха – синего. Тем самым, в своем творчестве они, как художники, сами являются воплощением определенных образов.

Волошин – образ Земли. («Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли... Нутро Макса, чувствовалось, было именно нутром земли. Макс был именно земнородным, и все притяжение его к небу было именно притяжением к небу – небесного *тела*. В Максе жила четвертая, всеми забытая стихия – земли». [7, с.353])

Рерих – образ Неба. (Чувство, которое сам художник определяет словами «восторг о небе», присутствует у него всюду. Звучащее небо властвует в его картинах, все устремлено ввысь, и в то же время оно не отделяется от земли, не противопоставляется земле.)

Вместе они – Мироздание.

Все в мире едино, и когда человек ощущает это единство, он обретает минуты счастья. Другими словами, вдохновенное счастье человека – в гармонии со вселенной.

Любой человек, придя в этот мир, проходит свой жизненный путь. Этот путь можно символизировать и как путь человеческого познания. Но познание, взвешивающее лишь на строгих аптекарских весах холодного разума, не в силах проникнуть в красоту окружающего мира. А значит, оно неполно. Познание становится истинным лишь тогда, когда к нему на полную мощь подключается сердце. Библейское изречение «во многотрудности много печали», характеризующее путь познания как скорбный и трагический, не может быть отнесено к философии жизни Волошина и Рериха. Ибо познание начинается с радости. В истоке познания, в существе его – радость. Как гласит известное восточное изречение: «Радость есть особая мудрость». А именно – мудрость творческая, преобразующая.

В философии жизни и творчества Волошина и Рериха главное – человек, любовь к человеку. Утверждение доброго начала в человеке – вот основной нравственный принцип этих художников, ибо человек – «носитель нравственности», который может сделать выбор между добром и злом, преданностью и предательством, зверством и гуманизмом. Безусловная вера в доброе начало – краеугольный камень миропонимания Волошина и Рериха. Им, вероятно, свойственны какие-то рецепторы, которые позволяют ощутить состояние другого человека, чтобы не обидеть его, не задеть. Не каждый такое может, это сложнейшая штука – существовать среди людей, не принося никому обиды и вреда.

Люди входили существенной частью в творчество Волошина. Он старался в каждом человеке «найти те стороны, за которые его можно полюбить».

«Он умел дружить с человеком и с его врагом, причем никто никогда не почувствовал его предателем, себя – преданным, причем каждый (вместе, как порознь) неизменно чувствовал всю исключительную его, М.В., преданность ему, ибо это – было. Его дело в жизни было – сводить, а не разводиться...» [7, с.350]

То же – у Рериха. Тем, кто лично встречался с ним, запомнились его корректность в обращении, спокойный, приятный тембр голоса, скупая жестикация, размеренная, неторопливая походка. Никто не видел Рериха суестьимся или выведенным из себя. Подкупали доброжелательность и участливость. Художник И. Грабарь был прав, говоря, что эти качества одинаково распространялись на друзей и недругов. «Уговори себя думать, что злоба людей неглубока. Думай добрее о них, но врагов и друзей не считай». [6, с. 98]

Индивидуален и неповторим путь каждого человека. Пути Волошина и Рериха никогда в жизни не соприкасались. Какой мощью и притягательностью должна была обладать субстанция Востока, чтобы проникнуть в уже сложившийся мир двух великих Художников и вдохнуть новую живительную силу в мироощущение и миропонимание их жизненной философии.

Почему именно Крым (Коктебель) для Волошина, а Индия для Рериха стали средоточием Вселенной, «родиной духа»? (Позднее Волошин с любовью заметит: «Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознавал его, его истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его красоту и единственность».) Может именно потому, что они явились для художников олицетворением связи времен и событий, олицетворением того, что человек неотделим от мира и мир отражается в человеке.

Ветшают дни, проходит человек,

Но небо и земля – извечно те же.

Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас [4, с.368]

Литература:

1. Волошин М. Автобиография // Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. Отд. рукописей. – Ф.461, оп.1, д. 6.
2. Волошин М. Лики творчества. – Л.: Наука, 1988.-268 с.
3. Дом поэта // М. Волошин. Молюсь за тех и за других. – М., 2001. – 384 с.
4. Рерих Н. Врата в будущее. – Рига: Виеда, 1991. – 227 с.
5. Рерих Н. О Вечном... – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.
6. Рерих Н. Цветы Мории: Стихотворения. – М.: Современник, 1988. – 159 с.
7. Цветаева М. Живое о живом // М.Волошин. Молюсь за тех и за других. – М., 2001. – 384 с.